

Алёна Шебалина

г. Междуреченск

Форма

Руки месят мягкую глину. Минут, раскатывают, сворачивают в жгуты и снова мнут. Раскручивают на гончарном круге и гладят, выводя нужную, совершенную форму.

«Ты должна быть податливой», – твердят они, но глина отказывается проминаться под чуткими пальцами, глина сильнее, чем кажется.

«Ты должна принять ту форму, что я пожелаю», – твердят пальца, но глина упорно скашивается влево и идет волнами. Ей чужда эта форма, у неё другое видение.

«Ты должна быть тонкой и хрупкой», – твердят пальцы, истончая стенки и линии, но глина упрямо сползает вниз, делая себя плотной и крепкой. Глина не хочет быть хрупкой, глина хочет быть стойкой.

«Ты должна радовать глаз», – твердят пальцы, – «только красота имеет значение». Глине кажется, что практичная глубина лучше, чем бесполезная красота. Глина стремится быть нужной.

«Ты должна быть желанной», – напевает гончарный круг, но глина не хочет, чтобы её желали, глина хочет, чтобы её ценили.

«Ты должна отвечать потребностям других», – мягкие ладони обманчиво бережны, но глина упорствует, она не хочет быть одной из тысячи, она хочет быть одной на миллион. Глина хочет быть собой.

Словно устав бороться, руки отпускают непослушный материал. Крупную, кособокую, толстостенную, неказистую утварь. Они несут её прочь, к каменной печи, бросают в адское, душное пекло. Они ждут, что глина одумается, но та терпит. Она верит в себя, знает, что все делает правильно.

«Ты должна соответствовать ожиданиям», – говорят ей руки, вытаскивая из печи, укладывая на стол, простукивая кончиками пальцев. Глина не боится касаний, глина звенит внутри. Она стала керамикой.

«Ты должна радовать», – вторят друг другу кисти, окунаясь в разноцветную глазурь, щекока покатые бока. Глина против быть красочной, ей по душе пастель. Глазурь идет мелкими трещинками.

«Ты должна продавать себя», – твердят соседки по полке, подставляя свои глянцевые бока солнцу, стараясь выглядеть лучше со стороны. Глина прячется в тень, глина знает себе цену.

«Ты должна принадлежать мне», – шепчут жадные толстые пальцы, лапая края и изгибы причудливой формы. Глина скользит из рук, глина падает на пол, потому что разбиться лучше, чем быть с тем, кто противен.

Кто-то испуганно взвизгнув, пнет черепки. Тонкие женские руки соберут все осколки. Чуткие нежные пальцы, выгладят все изъяны, чаша согрета будет в милых душе ладонях. Не потому что должно – просто так получилось.

Шебалина Алена Юрьевна родилась в 1989 г. в г. Междуреченске Кемеровской области. В 2011 году окончила Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. Сейчас работает в сфере фотоуслуг. С 14-ти лет состояла в клубе «Литератор», принимала участие в поэтических конкурсах. Два года подряд занимала 2-е место в конкурсе «Поэт года» имени Леонида Костылева. В 2022 году приняла участие в IX Всероссийском литературном фестивале имени Алексея Бельмасова.

Музыкальная шкатулка

Больше века нет человека, что взял бы меня в руки не для того, чтобы сдуть пыль, а для того, чтобы взвести в глубине меня тугую пружину и насладиться тонкой душевной музыкой.

Больше века я не видела света, стоя в шкафу. Красивая пачка будто испачкана, покрылась трещинами и потускнела, потеряла презентабельный вид. Посерел фарфор, так заботливо спрятанный от детских рук глубоко внутрь, далеко наверх. Старая, дорогая, ценная и ненужная. Совсем никому не нужная. Красивая безделушка, предназначенная для украшения, да и только.

Наверняка я выгодно смотрюсь на фоне толстых стареньких книжных томов в темных потрепанных переплетах, что важными птицами расселись на полках, но меня это не радует. Ржавеют внутри от гнетущей тоски пружинки и шестеренки, а я все не перестаю надеяться на чудо.

Больше века молю человека разрешить мне запеть. Но человек глух к моим мольбам. Он не слышит. Лишь изредка берет в руки и проводит теплыми шершавыми пальцами по плавным изгибам тонкого фарфора. Задумчиво крутит ключик в руке, но, словно испугавшись чего-то, ставит на место. Так же, как до него ставил другой. А до него еще один.

Я перебираю лица и не перестаю дивиться как они все похоже в своём желании и испуге. Да, я хрупка, но не сломать меня одним поворотом ключа, да и не одним. Ожить бы хоть раз, еще хотя бы раз до момента, когда я стану совсем ненужной, не способной дарить музыку.

Детский смех наполняет комнату, вырывая меня из глубин забытья. Звонкий, яркий, живой. Так смеялась та, что впервые показала мне, что такое петь. Первая, кто искренне любил слушать мою музыку. Та, что в темноте делилась со мной секретами и забывала печали. С ней я чувствовала себя живой.

«Эй, я здесь! Посмотри на меня! Ну же!» – кричало все мое существо. «Молю тебя, забери меня. Позволь мне играть для тебя!» – я изо всех сил пыталась дотянуться, докричаться. Страх остаться здесь навсегда безмолвным куском фарфора нарастал. «Ну же, девочка. Я тут! Ну же!» – звенело внутри меня.

Словно услышав зов, девочка вскинула голову. Глаза её загорелись. Она дернула за рукав человека, что так часто брал меня в руки, и потянула к шкафу. Он отговаривал её, долго. Он объяснял, ругался, грозил и уговаривал. Железное мое нутро, и без того холодное, готово было заледенеть. Минуты ожидания казались бесконечными, но девочка оказалась непреклонна.

Человек тяжело вздохнул, потрепав её рыжие волосы. Поднял на руках к моей полке. Теплые детские ладошки коснулись потемневшего фарфора, провели по изгибам, прижали к груди. «Она такая красивая!» – выдохнула девочка. Человек устроился в кресле и, усадив её к себе на колени, протянул ключ. Поворот за поворотом она возвращала мне жизнь.

Больше века в глазах человека я не видела столько счастья, и не было больше счастья, чем петь для неё.

